

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АЛЕКСАНДРА ГНЕСЯ «ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА»

Г.А. Антипов,

Сибирская академия государственной
службы, Новосибирск.

Была ли первая мировая война культурной катастрофой? Сразу же смущает апокалиптическая краснота определения. Воспринимается как зловещее предупреждение. В тональности «заката Европы», «конца истории» и т.п. Так сказать, «мрачной бездны на краю». Подобная ценностная нагруженность выводит за границы научного дискурса. Там катастрофой называют просто скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавное изменение внешних условий. Научная картина мира, по самой своей сути, представляет мир независимо от смысловых ориентаций человека и общества. Эту область жизнедеятельности в современном обществе, в значительной мере, занимает идеология.

Идеология формирует конечные основания для оценочных суждений в культуре, где доминирующие позиции занимает рациональность в веберовском смысле слова. Идеологию поэтому можно трактовать как своего рода маргинальную форму сознания. Как справедливо полагал К. Левин-Строс, «ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [1, с. 186]. Её трактовка в качестве «ложного сознания» гносеологически некорректна, поскольку истинными и ложными могут быть

только научные суждения. Гносеологическим оксюмороном выглядит и пресловутая ленинская «научная идеология». Попутно можно добавить, что, по К. Мангейму, функцией идеологии является утверждение сложившегося социального порядка, в то время как утопия по своей ориентации «взрывает существующий порядок» [2, с. 113–117].

Суждения идеологического толка, таким образом, подчиняются иной логике, нежели научные. Суждение: Первая мировая война не была культурной катастрофой вполне может получить не менее «мощное» обоснование, чем прямо противоположное. Мы оказываемся в заколдованном кругу антиномизма кантовского типа. Понятно, без претензии увеличения собственно списка антиномий «чистого разума». Каков же выход? Его наметил сам Кант – антропология, с её основным вопросом, определяющим всю перспективу обсуждения: «Что такое человек?»

Сталкиваются и воюют не культуры, не цивилизации сами по себе, а люди. Культура и цивилизация не суть эмпирические реальности. Как значится в известной дефиниции классиков культурной антропологии Крёбера и Клакхона, культура есть «абстракция человеческого поведения, но не само поведение». Эмпирически данной реальностью являются войны, которые ве-

дут люди. А война, согласно ещё одному классическому определению, есть продолжение политики другими средствами. Любители порассуждать на темы всякого рода «цивилизационных разломов» и т.п. часто апеллируют к киплингговскому «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, / Пока не предстанут Небо с Землёй на Страшный Господень суд». При этом чаще всего забывают строки, которыми заканчивается «Баллада о Западе и Востоке». А они таковы: «Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род, / Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встанёт».

Первая мировая война была войной мировых империй, продуктом конфликта интересов их политических элит, их выбором. Для Российской и Австро-Венгерской империй к тому же не меньшее значение приобретали интересы сохранения архаически устроенной власти. Вообще, по сравнению с другими, они в меньшей мере вписывались в культуру техногенной цивилизации, несли на своём теле больше родимых пятен традиционного общества. В этом отношении, имея в виду правящую элиту, достаточно близок к ним и Второй рейх. Германская империя, провозглашённая в правление Вильгельма I Гогенцоллерна, была, конечно, роднее империи Романовых, чем её союзники по Антанте. Однако опыт «Короля Лира» наглядно демонстрирует, на какие нищенские задворки выдвигаются родственные отношения ветрами политических бурь.

Тем не менее скорая реанимация Германской империи в виде Третьего рейха и Российской в виде Советского союза показала, сколь сильные традиционалистские импульсы таились в этих социумах, сколь живучими оказались они. Проявления возврата в «махровое» Средневековье и даже

в ещё более отдалённые глубины истории на лике фашистской империи видны невооружённым взглядом. Более того, они целенаправленно и зряче лепились искусными социальными пластическими хирургами.

Но и сталинский социализм оказался откатом в отдалённую архаику, реанимировав формы рабовладения (ГУЛАГ), феодализма (колхозы), обожествление властителей и т.п. Даже во внешнем антураже, вроде ступенчатой пирамиды на Красной площади. Это ведь Египет фараонов. Коммунизм, по сути, есть вера в историческую необходимость, закономерность, ведущую в светлое будущее. Являясь такого рода верованием, он открывал дорогу для массового «бегства от свободы», перекладывая на историческую необходимость бремя выбора и ответственности. Чем не вывернутая наизнанку эсхатология!

Возрождение консервативно модернизированных империй открыло дорогу второму изданию мировой войны. Сталин для начала «войны на выживание» сделал больше, чем кто-либо другой. Если не больше, то и не меньше, чем даже Гитлер. Я вовсе не имею в виду бредягину о нападении СССР на Германию, распространяемую неким лондонским сидельцем. Я имею в виду, что без Сталина не было бы и Гитлера. Войну инспирировали две вещи. Во-первых, напугать взорвать мир посредством «социалистической революции». Ау, Коминтерн! Можно понять трезвого европейского обывателя, хорошо видевшего на примере России, к какому счастью приведёт победа социализма во всемирном масштабе. На нормальный обывательский взгляд, Гитлер всё-таки воспринимался меньшим злом. Во-вторых, наш мудрый вождь удумал сравить германских социал-демократов и коммунистов, которые, вместе, кратно превосходили нацистов в тогдашней Германии.